

RU

Антропологические основания учения о свободе воли Фирмиана Лактанция

Антонян А. Р.

Аннотация. В центре внимания статьи – учение о свободе воли Фирмиана Лактанция, латинского апологета рубежа III-IV вв., которое парадоксальным образом строится на дуалистических антропологических предпосылках. В то время как раннехристианская традиция объясняла внутренний конфликт человека последствиями первородного греха, Лактанций предлагает иной взгляд: он рассматривает борьбу души и тела как изначальное, «естественное» состояние тварной природы. Цель исследования – показать, что именно эта специфическая антропология служит фундаментом для его апологии свободы воли. В результате проведенного исследования, опираясь на историко-философский и сравнительно-богословский анализ трактатов Лактанция («Божественные установления», «О творении Божиим» и др.), автор приходит к выводу, что дуализм души и тела трактуется апологетом не как следствие грехопадения, а как необходимое условие для нравственного самоопределения человека. В статье также сопоставляется позиция Лактанция с воззрениями Тертуллиана и Киприана Карфагенского, что позволяет конкретизировать научную новизну исследования, которая заключается в выявлении прямой корреляции между антропологическим оптимизмом Лактанция (отсутствие учения о тотальной наследственной поврежденности) и его учением о свободе произволения как основе Божественного правосудия.

EN

Anthropological foundations of Firmianus Lactantius's doctrine of free will

A. R. Antonyan

Abstract. The article focuses on the doctrine of free will in the works of Firmianus Lactantius, a Latin apologist of the late 3rd and early 4th centuries, which is paradoxically built upon dualistic anthropological premises. While early Christian tradition attributed human inner conflict to the consequences of Original Sin, Lactantius offers a different perspective: he views the struggle between soul and body as an original, “natural” state of created nature. The study aims to demonstrate that this specific anthropology serves as the foundation for his apology for free will. Drawing on historical-philosophical and comparative-theological analysis of Lactantius's treatises (“Divine Institutes”, “On the Workmanship of God”, etc.), the author concludes that the soul-body dualism is interpreted by the apologist not as a consequence of the Fall, but as a necessary condition for human moral self-determination. The article also compares Lactantius's position with the views of Tertullian and Cyprian of Carthage, highlighting the scientific novelty of the research. This novelty lies in identifying a direct correlation between Lactantius's anthropological optimism (the absence of a doctrine of total hereditary corruption) and his teaching on free choice (*liberum arbitrium*) as the basis for Divine justice.

Введение

Актуальность темы обусловлена исключительным положением Лактанция, который в истории западно-христианской мысли выступает одним из последних великих латинских апологетов (Майоров, 1979, с. 133). Признавая несомненную значимость его апологетических трудов, следует отметить, что некоторые антропологические идеи латинского оратора выходят далеко за рамки христианской ортодоксии, которая к началу IV века начинает приобретать выкристаллизованные очертания, т. е. становится общепринятой традицией. Своеобразный дуалистический подход при рассмотрении человека, отрицаемый многими предшествующими и последующими христианскими авторами, у Лактанция служит основанием для учения о свободе воли.

Поэтому представляется необходимым рассмотреть учение латинского оратора о свободном произволении в опоре на его антропологические конструкции.

Для достижения обозначенной выше цели поставлены следующие задачи:

- выявить историко-философский контекст формирования учения Лактанция о свободе воли;
- проанализировать богословские (антропологические) основания этого учения;
- провести краткий сравнительный анализ с доктринами более ранних представителей латинской патристической мысли.

Источниковая база включает основные сочинения Лактанция, такие как «Божественные установления» (*Divinae Institutiones*), трактаты «О гневе Божиим» (*De Ira Dei*), «О смерти преследующих» (*De Mortibus Persecutorum*) и «О творении Божиим» (*De opificio Dei*), а также научные исследования современных отечественных и зарубежных авторов, из которых необходимо выделить следующие.

Книга выдающегося отечественного историка философии Г. Г. Майорова «Формирование средневековой философии. Латинская патристика» является классическим трудом, впервые изданным в 1979 году. Этот труд остается одним из наиболее глубоких исследований истоков западно-христианской философской мысли. К сожалению, философским построениям Лактанция в этом произведении уделено незначительное внимание.

Другой значимый труд российского исследователя А. Р. Фокина «Латинская патрология. Т. 1. Период первый. Доникийская латинская патрология» (2005) стал первой полноценной русскоязычной латинской патрологией. Эта книга – важный вклад в отечественную патристику, заполняющий пробел в изучении западного богословского наследия. Среди других авторов ранней латинской Церкви отдельная достаточно объемная глава посвящена учению Лактанция.

Работа Рене Пишона “*Lactance: étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin*”, вышедшая в свет в 1901 году, уже более века остается фундаментальным исследованием творчества латинского апологета. Несмотря на давность издания, монография не утратила научной значимости и продолжает использоваться современными исследователями. Главное достоинство этой книги в ее комплексном подходе. Р. Пишон помещает фигуру Лактанция в контекст интеллектуальной и религиозной жизни эпохи Константина Великого. В книге детально анализируются не только богословские взгляды древнего автора, но и его философские источники, риторическая стратегия, а также та роль, которую Лактанций сыграл в идеологическом становлении христианизирующегося государства.

Сборник материалов коллоквиума “*Lactance et son temps: Lactance et son temps: Recherches actuelles. Actes du IVe colloque d'études historiques et patristiques*” (1976) является знаковой работой в области исследования наследия Лактанция в контексте эпохи. Главная ценность тома заключается в его комплексном и междисциплинарном подходе. Под редакцией таких выдающихся ученых, как Жак Фонтен и Мишель Перрен, сборник объединяет статьи, рассматривающие Лактанция одновременно как богослова, философа и ритора, литератора, свидетеля исторических событий константиновской эпохи.

Важной вехой в исследовании творчества Лактанция является еще один сборник “*Studia Patristica. The Classical or Christian Lactantius: papers presented at the Seventeenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford*” (2017), изданный по результатам международной патристической конференции. Данный тематический сборник представляет собой срез современных исследований в области патристики и позднеантичной литературы. В нем получает раскрытие вопрос: был ли Лактанций в первую очередь наследником классической римской риторики и философии или же принципиально христианским автором? Статьи сборника, объединенные этой магистральной темой, рассматривают ее с разных сторон: через анализ литературных приемов, которые использовал латинский ритор, его политической теологии и философской аргументации.

Методология исследования основана на принципах историко-философского анализа, позволяющего реконструировать учение Лактанция в контексте его времени. Используется также метод сравнительного анализа богословских концепций для выявления специфики позиции латинского апологета на фоне других западных отцов ранней Церкви. В работе применен герменевтический подход для интерпретации ключевых терминов, наличествующих в его произведениях.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания латинской патристической философии, патрологии, истории древней церкви, религиозной антропологии.

Обсуждение и результаты

Историко-философский контекст становления взглядов Лактанция

Как известно, проблема свободы воли является смыслообразующей для христианского мировоззрения, поскольку от ее решения напрямую зависит понимание Божественной справедливости, ответственности человека, природы зла и дела искупления. Именно поэтому данная доктрина заняла у таких латинских апологетов, как Тертуллиан (150-225 гг.), Арнобий (242-327 гг.) и Лактанций (240-320 гг.), одно из важных мест в их полемике с различными фаталистическими философскими и гностическими концепциями. Осмысляя положение человека пред Богом, Лактанций предложил свое видение свободы воли, соединив некоторые элементы философских идей с христианской антропологией. Своеобразное учение о свободном произволении и Божественном Провидении в произведениях латинского апологета становится фундаментом для построения защиты христианской веры от фатализма стоиков, дуализма манихеев и эпикурейского видения случайности событий.

Следует признать, что долгое время о Лактанции ходило мнение, будто он не является глубоким богословом. Латинский мыслитель представлялся больше апологетом, т. е. защитником христианства, нежели автором, излагающим его основные доктрины. Даже такой видный исследователь его наследия, как Рене Пишон, при всех попытках подойти к изложению жизни и творчества Лактанция максимально непредвзято, тем не менее пишет о нем: «Его главной, почти единственной оригинальностью стало применение и адаптация философского и ораторского духа античности для изложения христианства» (Pichon, 1901, p. 3). Также и отечественный исследователь Г. Г. Майоров отмечает: «Лактанций ставил своей главной целью оправдать христианство в глазах еще привязанной к античным ценностям римской интеллигенции и поэтому стремился представить его учение в интеллектуально привлекательной и литературно совершенной форме» (1979, с. 133). Действительно, основная задача Лактанция, как ее видят некоторые исследователи, заключалась в том, чтобы изложить основные христианские постулаты античной публике в знакомых для нее интеллектуальных формах. Именно поэтому в трудах латинского оратора, помимо незначительного количества цитат из Священного Писания, присутствует масса фрагментов из философской и даже мистико-религиозной языческой литературы, которую он пытается поставить на службу христианству.

Несомненно, Лактанцию в какой-то степени удалось преподнести христианские доктрины в приемлемом для римской аристократии виде. Чтобы защитить и объяснить христианскую веру, он умело использовал весь арсенал античной риторики, философии и литературы. Однако же было бы опрометчиво утверждать, что лишь в этом заключалась его единственная заслуга. Совсем недавно в трудах зарубежных исследователей стали появляться заметки относительно того, что устоявшийся взгляд на труды латинского ратора долгое время был несколько тенденциозным (McGuckin, 2017, p. 19). Джон МакГакин, защищая Лактанция именно как незаурядного богослова, пишет, что «тонкость и оригинальность его богословских идей в “Божественных установлениях” демонстрируют не ум третьего сорта, а, скорее, видение, которое, возможно, было слишком изощренным для получения всеобщего признания» (McGuckin, 2017, p. 20).

Необходимо подчеркнуть, что эпоха Лактанция – это время тяжелейшего кризиса Римской империи, т. е. период глубокого цивилизационного перелома. Традиционная языческая культура с ее ценностями стремительно утрачивает авторитет, а христианство в этот период ищет пути интеллектуальной легитимности. Латинский оратор стал свидетелем последнего жестокого гонения на христиан при императорах Диоклетиане и Галерии, которое сменилось долгожданной свободой, дарованной Константином Великим (Lactantius, 1897, p. 228-233). Свобода открыла возможность для беспрепятственного интеллектуального творчества. Массы людей обратились к некогда гонимой религии. Именно поэтому в новых сложившихся условиях наш апологет предпринимает попытку объяснить христианство образованной публике в знакомых для нее категориях философской мысли.

В отличие от некоторых своих предшественников, таких как Тертуллиан и Киприан Карфагенский (200-258 гг.), Лактанций был страстным поклонником античного философского наследия, за что и получил прозвище «христианский Цицерон» (Cicero christianus). Античная философия оставила глубокий след в его душе, оказав колоссальное влияние на творчество. Стоическая этика, платоновская антропология и аристотелевская логика были переосмыслены им в свете христианского Откровения. Как замечает Р. Пишон, Лактанций «более стремится дополнить светские произведения, нежели опровергнуть их, и тем самым позиционирует себя не как противника, а как продолжателя философии» (Pichon, 1901, p. 60).

Рассматривая произведения Лактанция, несложно заметить, что он особо зависим в своих интеллектуальных построениях от Цицерона (Coleman, 2017, p. 62). Однако же, несмотря на всю свою привязанность к античной философской литературе, латинский ритор, в отличие от стоиков, подчинявших волю человека безликому фатуму, убедительно отстаивает идею свободного произволения, отрицая судьбу и постулируя мысль, что свобода является неотъемлемым условием подлинного служения Богу.

Божественное провидение и свобода произволения

Безликому стоическому фатуму и эпикурейской концепции случайности событий Лактанций противопоставляет христианское учение о Божественном промысле. Полемизируя с эпикурейцами, он настаивает на том, что мир не просто создан Богом, но разумно управляется Им, т. е. существует согласно Божественному плану. В качестве аргумента латинский ритор приводит в пример большое количество древних философов, которые на протяжении многих столетий постулировали существование Божественного провидения, «пока не появился один безумец Эпикур, который вознамерился отрицать очевидное» (Lactantius, 1890a, p. 138). Лактанций уверен, что христианское Священное Писание и фактически все видные философы едины в одном – существовании Божественного плана относительно мироздания; поэтому во многих местах своих произведений он неустанно повторяет, что «мир управляется Провидением» (Lactantius, 1893a, p. 93) (здесь и далее перевод автора. – А. А.).

Однако же христианское понимание Божественного провидения, которое Лактанций энергично противопоставлял эпикурейским концепциям, совсем не тождественно стоическому детерминизму (Seneca, 1917, p. 104-106). В своих произведениях латинский оратор также решительно отвергает и стоическую идею судьбы (fatum) как слепой необходимости, подчеркивая, что Бог управляет миром через любовь и заботу, а не через механистический детерминизм. Божественное провидение проявляется прежде всего, в упорядоченности мироздания (Lactantius, 1893a, p. 94). В трактате «О смерти гонителей» наш автор показывает, как Божие провидение наказывает государей-тиранов, являя этим Его попечение о справедливости. Однако провидение

нисколько не обуславливает волевые решения конкретного человека, т. е. не лишает его свободы произволения, а следовательно, и ответственности за свою жизнь и дела. Даже при наличии Божественного промысла человек остается свободен в выборе своей жизненной позиции. Идея индивидуальной свободы воли, по мнению Лактанция, нисколько не противоречит существованию общего плана развития исторических событий, задуманных Богом.

Как известно, соотношение свободы воли и Божественного предвидения является одной из наиболее сложных проблем в христианском богословии. Лактанций, следуя за некоторыми другими христианскими авторами, постулирует идею, согласно которой Бог, будучи вечным, заранее видит все будущие действия людей, но Его знание не принуждает их, т. е. не является причиной волевых решений. Человек в конечном итоге делает выбор самостоятельно. Таким образом, Божественное правосудие, основанное на воздаянии за свободно совершенные поступки, остается незыблемым.

Проблема теодицеи и онтологические условия свободы выбора

Как это ни парадоксально, но, согласно Лактанцию, свобода выбора у человека имеется именно благодаря тому, что в мире наличествует не только добро, но и зло. Одно без другого, по его мнению, существовать не может (Lactantius, 1893a, p. 106). В общей картине мироздания добро и зло друг друга дополняют, создавая тем самым потенциальную свободу произволения для разумных существ: «Ведь если бы существовало только хорошее, зачем нужны были бы мышление, интеллект, рассудок, знание?» (Lactantius, 1893a, p. 102-103). Этот вопрос Лактанция является своеобразным ответом на классическое рассуждение, которое он вкладывает в уста некоторым философам: если Бог всемогущ, то почему Он до сих пор терпит зло? Сам факт существования добра и зла, по его мнению, порождает в разумных существах свободу выбора (Lactantius, 1890b, p. 595). Если выбор делается в пользу добра, то это и является основанием для поощрения, точно так же как выбор греховного пути служит основанием для наказания. Если бы человек был лишен свободы, то в таком случае наказания и награды не имели бы под собой морального основания. В этом случае само спасение у древнего апологета выступает в качестве искомой награды за человеческие заслуги, т. е. за свободное следование добру.

В приведенной выше концепции о добре и зле явно прослеживаются черты дуализма. Зло является сопутствующей необходимостью добра, так как только в этом случае перед разумным существом открывается свобода самоопределения. Не может быть свободного морального выбора там, где присутствует только добро. По убеждению Лактанция, добродетель проявляет себя как нельзя ярче именно в противостоянии злу. В этом, как уже было сказано, открывается парадоксальная необходимость существования зла.

Антропологические истоки концепции Лактанция о свободе воли

Концепция свободы воли у Лактанция является логическим продолжением его оптимистичной и в некоторых моментах достаточно специфичной антропологии. Тема дуализма также прослеживается и здесь. Согласно представлениям латинского апологета, человек состоит «из двух противоборствующих частей, души и тела, одна из которых принадлежит небу, так как является тонкой и неуловимой. Вторая же принадлежит земле, так как является осязаемой» (Lactantius, 1893a, p. 106).

Примечательно, что противоборство, упоминаемое Лактанцием, возникает не в результате грехопадения, о деструктивных последствиях которого он фактически ничего не говорит, но по причине самого соединения души и тела (Lactantius, 1893a, p. 117-118). Подобно некоторым античным философам латинский ритор утверждает, что зло, смертность и несправедливость заключены именно в человеческой телесности (Lactantius, 1893a, p. 106). В другом месте он прямо пишет: человек «к пороку склонен потому, что смешан с земной слабостью» (Lactantius, 1893a, p. 115). Немощное состояние природы совсем не связано с прародительским грехом, так как люди изначально были «задуманы слабыми и смертными» (Lactantius, 1893a, p. 107).

По мнению Лактанция, «блага души, которые состоят в сдерживании чувственности, противны телу, а блага тела, которые состоят в разного рода наслаждениях, враждебны душе» (Lactantius, 1893a, p. 118). Человек призван все волевые способности своей души устремить на борьбу с плотскими вожделениями, и только тогда он достигнет богоподобия: «Если кто с помощью добродетели души будет бороться с чувственностью и одолеет ее, тот будет воистину подобен Богу» (Lactantius, 1893a, p. 118). Для этой борьбы у души есть все необходимое, так как именно она «наделена Божественной добродетелью» (Lactantius, 1893a, p. 118).

Может возникнуть вполне оправданный вопрос: если душа имеет в себе громадный потенциал, то почему же она тогда бывает порой безнадежно поработана земными удовольствиями и не может противостоять чувственным наслаждениям? Отвечая на этот вопрос, Лактанций пишет, что поработанность плотским вожделениям происходит из-за того, что душа, прельщаясь сладостью порока, сама добровольно устремляется к нему. Многие люди, не по принуждению, но вполне сознательно «погружают себя в землю [плотские удовольствия] и поэтому не в состоянии достичь милости Божественного дара, поскольку сами оскверняют себя пороками» (Lactantius, 1893a, p. 118).

Именно отсюда у Лактанция откровенно пренебрежительное отношение к телесной составляющей природы человека. Для него человек – это прежде всего душа, заключенная в «глиняный сосуд» телесности (Lactantius, 1893b, p. 6). В другом месте Лактанций пишет, что ум человека, безусловно, заключая в себе значительные способности, все же поработается плотскими страстями именно потому, что «погружен в мрачное вместилище тела, и поэтому крайне далек от познания истины» (Lactantius, 1893a, p. 68).

В отличие от животных, сила человека сосредоточена не в теле, а в его разумности, с помощью которой он способен господствовать над всем остальным творением (Lactantius, 1893b, p. 12-13). В этой же разумности латинский оратор усматривает и свободу воли. Имея разумение, человек способен отличать доброе от злого и поэтому, как уже было сказано, свободен выбирать между тем и другим (Lactantius, 1893a, p. 102).

Просветить огрубленного плотью человека, т. е. возвысить его над телесностью и даровать ему возможность обрести истину, может только Бог (Lactantius, 1893a, p. 68). Тем не менее это просвещение состоится именно тогда, когда человек пожелает допустить Бога в свое сердце (Lactantius, 1893a, p. 68). В этой концепции соработничества Бога и человека открывается важный сотериологический принцип латинского апологета, который более характерен для восточных христианских авторов. Речь идет о принципе синергизма. Лактанций настаивает на том, что человек без Бога неминуемо погружается в пучину заблуждений. Однако Бог приходит на помощь лишь тогда, когда человек возжелает этого и призовет Его.

Важно отметить, что Лактанций не проповедует концепцию избирательного спасения, которую несколько позже стал проповедовать великий латинский отец Церкви – блаженный Августин. В учении Лактанция дар истинного богопознания ниспосылается именно всем людям (Studer, 1978, p. 255). Однако далеко не все люди проявляют деятельное желание принять этот дар, нисходящий от Бога, поэтому в конечном итоге сами себя обрекают на вечную погибель.

Следует также отметить, что приведенный выше взгляд на конфликтное сосуществование в человеке души и тела не является традиционным для большинства древних христианских авторов, усматривавших причину немощности человека и его внутренних нестроений все же не в телесности как таковой, но в отступлении от Бога, т. е. в совершившемся когда-то грехопадении. Прародительский грех, как полагают многие отцы и учителя Церкви, распространился на всех последующих потомков Адама и Евы в виде некоей деструкции. Именно он сделал людей духовно и физически уязвимыми, создав состояние диссонанса между духовным началом в человеке и его телесностью. Причем под «телесностью» в этом случае подразумевается даже не тело как такое, которое изначально было сотворено Богом, а греховные страсти, влекущие к плотским удовольствиям.

К примеру, древний христианский автор Тертуллиан, живший на рубеже II-III вв., говорит о первородном грехе как о катастрофе, в результате которой все люди стали немощными и смертными (Tertullianus, 1954, p. 988). По его мнению, первый человек, поддавшись искушению обольстителя, «преступил заповедь Божью, и поэтому был предан смерти, а затем и весь род [человеческий], зараженный от его семени, сделал наследником собственного осуждения» (Tertullianus, 1890, p. 138). Поэтому конфликтное состояние между разноприродными составляющими человека не является изначальной данностью, задуманной Богом, но происходит в результате греховного повреждения, передающегося от прародителей к потомкам.

Интересным представляется рассуждение Киприана Карфагенского о сочетании в человеке духовного и телесного: «Ибо поскольку тело мы имеем от земли, а дух – с неба, мы сами и есть земля и небо... Ибо между плотью и духом происходит борьба, и поскольку они противятся друг другу в ежедневном противоборстве, то мы не делаем того, чего хотим. Пока дух ищет небесного и божественного, плоть жаждет земного и мирского» (Cyprianus, 1976b, p. 99). Так же как и Тертуллиан, Киприан Карфагенский в своих сочинениях настаивает на том, что именно грех обессилил человека, сделав его природу смертной (Cyprianus, 1976a, p. 128). Борьба между плотью и духом является печальным следствием согрешения первых людей. Карфагенский епископ пишет, что каждый человек, «рожденный по плоти от Адама, воспринял заразу древней смерти при самом рождении» (Cyprianus, 1996, p. 424-425).

Позиция же Лактанция относительно причины наличия греха в человеке, как мы видим, разительно отличается от богословских конструкций его предшественников. Во-первых, о конфликте между душой и телом Лактанций говорит как о естественном столкновении в результате смешения двух разноприродных элементов. Во-вторых, в отличие от Тертуллиана, Киприана и многих других христианских авторов, в телесной смерти он видит вполне закономерный итог земного существования всего живого. О греховной же наследственности человека как о причине ослабления его волевых и физических способностей латинский ритор ничего не говорит. В этом втором пункте учение Лактанция тесно соприкасается с концепциями его учителя Арнобия, хотя и не тождественно им.

Взгляд Арнобия на природу человека и его происхождение достаточно жесткий и радикальный. Этот древний африканский автор вообще отрицал учение, согласно которому непосредственным Творцом людей является именно Бог. По его личным убеждениям, Господь никогда бы не сотворил тех, чьи тело и душа представляют собой вместилище множества пороков и страстей (Arenobius, 1875, p. 59-60). Человек слишком низок и греховен, чтобы дерзнуть считать себя делом рук Всевышнего. Однако же на вопрос о том, кто в таком случае является создателем человеческого рода, Арнобий четкого ответа не дает (Arenobius, 1875, p. 85-86). Примечательно также то, что в его доктринальных построениях смерть является вполне закономерным итогом земного существования людей, а все разговоры об изначальном природном бессмертии порождены гордыней и надменностью (Arenobius, 1875, p. 60-61). Мы видим, что примерно такой же антропологической позиции придерживается и его ученик Лактанций. Однако, в отличие от своего учителя, латинский ритор был непоколебимо убежден, что человеческая душа имеет небесное происхождение.

Закключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы, соответствующие поставленным задачам.

В контексте формирования учения Лактанция о свободе воли было установлено, что его взгляды явились реакцией на фатализм стоиков и эпикурейский индетерминизм. Стремясь представить христианство интеллектуально релевантным для римской элиты, Лактанций использует философский инструментарий Цицерона, но наполняет его новым содержанием. Он противопоставляет языческому фатуму учение о Божественном Провидении, которое, однако, в его интерпретации не детерминирует волю человека, а лишь предвидит ее выбор.

Анализ антропологических оснований учения показал, что ключом к пониманию свободы воли у Лактанция является его оригинальная антропология. В отличие от Тертуллиана и Киприана, он не связывает конфликт души и тела с первородным грехом. Лактанций рассматривает дуализм духовного и телесного начал как имманентное свойство тварной природы человека. Нemoшь и смертность, согласно Лактанцию, – не кара за грех, а данность, необходимая для того, чтобы человек мог совершать свободный нравственный выбор. Душа, обладая врожденной добродетелью, призвана добровольно противостоять «земной» телесности, и именно в этом противостоянии реализуется свобода воли.

В ходе сравнительного анализа с предшественниками выявлена специфика позиции Лактанция. Если Тертуллиан и Киприан настаивали на наследственной поврежденности человеческой природы, что делало спасение в первую очередь следствием искупления, то Лактанций делает акцент на синергии – свободном соработничестве человека и Бога. Бог просвещает душу, но лишь тогда, когда человек сам изъявляет к этому желание. Тем самым Лактанций предлагает модель спасения, в которой акцент смещен с таинства искупления на моральные заслуги личности, что сближает его с восточной патристической традицией и несколько выделяет на фоне западной.

В отличие от многих своих предшественников, Лактанций являет собой редкий пример апологета, сохраняющего верность христианскому Откровению и при этом умело использующего философский инструментарий для защиты недавно обретенной им веры. Выбирая срединный путь между стоическим фатализмом и эпикурейским отрицанием провидения, латинский оратор провозглашает доктрину всевластия Творца и учение об относительной свободе человеческой души. Эти постулаты, несмотря на кажущееся противоречие, в его творчестве достаточно интересно обосновываются и органично переплетаются между собой.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной в работе проблематики можно назвать более глубокий сравнительный анализ антропологических построений Лактанция с доктринами предшествующих и последующих латинских мыслителей.

Источники | References

1. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979.
2. Фокин А. Р. Латинская патрология. М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2005. Т. 1. Период первый. Доникийская латинская патрология (150-325 гг.).
3. Arnobius. *Adversus nations: libri septem* / ed. by A. Reifferscheid. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 1875. Vol. IV. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum*.
4. Coleman A. P. *Lactantius the Theologian: Lactantius and the Doctrine of Providence*. Piscataway: Gorgias Press, 2017.
5. Cyprianus. *De bono patientiae* // S. Thasci Caecili Cypriani Opera Omnia. Pars II / ed. by C. Moreschini. Turnhout: Brepols, 1976a. Vol. 3A. *Corpus Christianorum, Series Latina*.
6. Cyprianus. *De Dominica oratione* // S. Thasci Caecili Cypriani Opera Omnia. Pars II / ed. by C. Moreschini. Turnhout: Brepols, 1976b. Vol. 3A. *Corpus Christianorum, Series Latina*.
7. Cyprianus. *Epistula LXIV* // S. Thasci Caecili Cypriani Opera Omnia. Pars III / ed. by G. F. Diercks. Turnhout: Brepols, 1996. Vol. 3C. *Corpus Christianorum, Series Latina*.
8. Lactantius. *De Ira Dei* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL)* / ed. by S. Brandt. Wien, 1893a. Vol. 27/1.
9. Lactantius. *De mortibus persecutorum* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* / ed. by S. Brandt, G. Laubmann. Vienna – Leipzig: F. Tempsky; G. Freytag, 1897. Vol. 27/2. Pars II. Fasciculus 2.
10. Lactantius. *De opificio Dei* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL)* / ed. by S. Brandt. Wien, 1893b. Vol. 27/1.
11. Lactantius. *Divinae Institutiones* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL)* / ed. by S. Brandt. Wien, 1890a. Vol. 19. Pars I. Sectio I.
12. Lactantius. *Divinae Institutiones* // *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL)* / ed. by S. Brandt. Wien, 1890b. Vol. 19. Pars I. Sectio II.
13. McGuckin J. *The Problem of Lactantius the Theologian* // *Studia Patristica* / ed. by M. Vincent. 2017. Vol. LXXX.
14. Pichon R. *Lactance: étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin*. P.: Librairie Hachette et Cie, 1901.
15. Seneca L. A. *Ad Lucilium epistulae morales: in three volumes / with an English translation by R. M. Gummere*. L. – N. Y.: William Heinemann; G. P. Putnam's Sons, 1917. Vol. I.
16. Studer B. *La Soteriologie de Lactance* // *Lactance et son temps: Recherches actuelles. Actes du IVe colloque d'études historiques et patristiques (Chantilly, 21-23 septembre 1976)* / ed. by J. Fontaine, M. Perrin. P.: Éditions Beauchesne, 1978.

17. Tertullianus. De resurrectione mortuorum // Tertulliani Opera Pars II: Opera Montanistica / ed. by J. G. Ph. Borleffs, E. Kroymann, R. F. Refoulé, D. J. van Berchem. Corpus Christianorum, Series Latina 2. Turnholt: Brepols, 1954.
18. Tertullianus. De testimonio animae // Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera, Pars I / Ed. by A. Reifferscheid, G. Wissowa. Vienna – Leipzig: F. Tempsky; G. Freytag, 1890. Vol. 20. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum.

Информация об авторах | Author information

Антонян Артур Романович¹, к. филос. н.

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Arthur Romanovich Antonyan¹, PhD

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don

¹ pravoslavie-art@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.01.2026; опубликовано online (published online): 13.03.2026.

Ключевые слова (keywords): свобода воли; христианская антропология; богословская этика; полемика с гностицизмом; Божественный Промысел; free will; Christian anthropology; theological ethics; polemics against Gnosticism; Divine Providence.